

Дмитрий Иванович Заров
к.филос.н., доцент
Саратовский государственный
технический университет имени Гагарина Ю.А.
г. Саратов
e-mail: zarov@inbox.ru

ДЕСТРУКТИВНЫЙ СУБЪЕКТ В СМЫСЛОВЫХ КОНТЕКСТАХ КРИЗИСА АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Автор исследует деструкции в деятельности субъекта цивилизационного развития. Выделяется понятие некросферы. Определяются понятия субъекта-творца и субъекта-имитатора. Даются характеристики деструктивного субъекта.

Ключевые слова: цивилизация, основания цивилизации, некросфера, ноосфера, деструктивный субъект развития, объективно-идеальные факторы развития, имитатор.

Zarov Dmitriy
Ph.D., Associate Professor
Yuri Gagarin State Technical University of Saratov,
Saratov

THE DESTRUCTIVE SUBJECT IN SEMANTIC CONTEXTS OF CRISIS OF THE ANTHROPOLOGICAL BASES OF THE CIVILIZATION

The author investigates destructions in activity of the subject of civilization development. The concept nekrosfer is allocated. Concepts of the subject creator and the subject simulator are defined. Characteristics of the destructive subject are given.

Keywords: civilization, bases of a civilization, nekrosfer, noosphere, destructive subject of development, objective and ideal factors of development, simulator.

Конец XX и начало XXI века ознаменовались интересным художественным осмыслением некоторых парадигм и установок мышления, сложившихся как результат развития духовных процессов двадцатого века. В 1985 г. выходит работа Патрика Зюскинда «Парфюмер. История одного убийцы», которая была экранизирована в 2006 г. Таким образом, была проведена четкая граница между основными ментальными установками духовной жизни XIX и второй половины XX веков.

Классическое представление о субъекте развития было представлено А.С.Пушкиным. С его позиции, гений и злодейство – «две вещи несовместные», потому что гениальность – это дар божий. Гений находится в самой «гуще» культуры, он – выразитель ее сути, стратегии развития и ориентируется на высшие ценности, божественное начало реальности. Злодей – разрушитель, ориентирующийся на низменные инстинкты, ценностный мир, описывать который нет необходимости; его единственная характеристика – пустота.

Двадцатый век выступил своего рода «переходным периодом», в котором формируются новые ориентации. Итог этого формирования зафиксирован в «Парфюмере». Гений и злодей – феномены однопорядковые, в каком-то смысле тождественные, – гений так же маргинален, как и злодей. Злодей вполне может

быть гениальным творцом. Более того, в условиях насыщенности современной культуры для создания действительно нового гений обязан нарушать сложившиеся нормы и ценности, в том числе и высшие. Подобные установки постепенно формируют новую социокультурную реальность, которая, постепенно подкрадываясь, подменяет ту классическую систему, которая была создана ранее. Новая реальность возникает как форма перерождения предшествующей и создается новым соответствующим субъектом, - деструктивным.

В литературе и общественной жизни сложилось упрощенное понимание деструкции как явления сугубо разрушительного. Но деструкция может выступать и как особый вид конструирования реальности. Для понимания данного утверждения следует рассмотреть представления классической диалектики. В ней анализируются противостояния бытия и небытия, логоса и хаоса. С позиции классической науки бытие существует вечно, но структурированное бытие возникает из хаоса через деятельность Логоса. С позиции христианского мышления бытие создает Бог. Но как возникает небытие или как формируется Ничто? Кто создает Хаос? Данные вопросы кажутся бессмысленными и абсурдными. Действительно, если небытие – это наличие отсутствия, абсолютное отсутствие, то как его можно создать и какой разговор можно вести о его структуре? Однако эти вопросы кажутся абсурдными до тех пор, пока мы не войдем в русло социальной философии.

На самом деле, реальная противоположность и противостояние состоит не в классическом соотношении бытия и небытия и даже не в оппозиции Логоса и хаоса. Она состоит в противостоянии двух видов создаваемой реальности: живого бытия и мертвого. Выбор человека состоит в ориентации на два варианта деятельности: конституирования, созидания, либо конструирования, заполнения мира копиями. В результате отчуждения человека от способности творчества, у него сохраняется способность лишь создавать копии. Из субъекта творчества он превращается в субъект деструкции. Можно раскрыть механизм данного превращения.

На этапе начала цивилизации формируются метафизические основания и социокоды реальности, которые определяют ее изначальные черты и типологические характеристики, векторы возможного развития религии в обществе, перспективы ее единства или раскола, хотя все эти возможности реализуются через выбор человека. Этими основаниями формируются, если воспользоваться терминологией К.Поппера, своего рода «третий мир» реальности, – мир объективного содержания высших ценностей, реальных, сформированных тенденциями развития, целей общества, установок на миропонимание. Именно они объективно определяют и модели взаимоотношений людей в обществе, и модели власти, и модели реального субъекта цивилизационного развития. Отклонение от этих моделей обычно вызывает хаос и катаклизмы. «Третий мир» реальности – это результат логики деятельности субъектов общественных процессов, чего бы они ни хотели субъективно; одновременно это проявление организующего Логоса общества.

В рамках Третьего мира закладываются объективно-идеальные схемы деятельности и мышления творящего субъекта. Он может создавать мир в каче-

стве «творца», созидającego живую реальность, либо в качестве «мастера», создающего реальность по готовому шаблону, имитирующего творчество нового. Творец и копировальщик, Бог и Мастер – два типа субъекта, две основные парадигмы мышления и деятельности, выражающие противоположные парадигмы «третьего мира» реальности и порождающие различные типы реальности. Методологическая роль идеи Творца, Демиурга, Мастера вносит в представления о развитии субъектное, деятельностное и одновременно метафизическое основание. Встает вопрос о содержании и механизмах процессов сотворения и преобразования реальности вообще. Создается и преобразуется мир творцом как нечто новое или же его формирование и преобразование – только простое умножение, копирование того, что уже создано, уже существует? Что представляет собой субъект, изменяющий мир: это творец, преобразующий реальность по образу и подобию своей души или имитатор, копирующий уже созданное, застывшее начало по определенной заданной программе?

В процессе деятельности творца мир создается как живая реальность, развивающаяся по законам организующегося логоса. Когда начинает творить имитатор, создаются эквивалентные атомизированные копии, не нуждающиеся в живом единстве; возникают деструкции, живая реальность разрушается, а из результатов деятельности формируется либо массив хаоса, либо система некросферы. Логос и хаос реализуются прежде всего объективно, – как объективно-идеальные схемы деятельности, противостоящие и борющиеся друг с другом объективные тенденции, феномены «третьего мира» реальности. Далее они отражаются в голове человека и его действиях в качестве основного смысла деятельности или ее бессмыслицы. В конечном итоге, через деятельность человека логос и хаос воплощаются на эмпирическом уровне объективной реальности.

Иначе говоря, деструктивная сторона реальности также не бессубъектна, но более важно подчеркнуть, что процессы деструкции вовсе не обязательно предполагают целенаправленное разрушение реальности. Деструкция – это также процесс создания, но реализуется она противоположным типом субъекта, лишенным потенций творческого созидания, – имитатором, умело использующим и умножающим уже сотворенные модели. Имитатор как идея, объективно-идеальный субъект, форма и установка деятельности, существующая на уровне «третьего мира», формирует тенденции деструкции на всех уровнях общественного развития, направляя деятельность власти или экономических субъектов в деструктивное русло вне зависимости от их благих намерений. Возникает процесс атомизации индивидов и десистематизации их деятельности одновременно с полной их зависимостью от «творящего» реифицированную реальность имитатора, переносящего чужие копии на основания собственной цивилизации.

Противоположностью некросферы является ноосфера, созданная живым разумом, ориентирующимся на высшие ценности, сложившуюся историю и установившиеся цивилизационные социокоды. Некросфера – это столь же созданная субъектом искусственная реальность, пронизанная самоорганизацией и разумом, сколь и ноосфера, однако здесь нет главного – души, очеловеченного внимания к будущему и целеполагания, включающего ориентацию на высшие

ценности. Смысловое и объективно-идеальное содержание некросферы - это отчужденные от человека деятельные силы и способности, овеященные в предметах «второй природы» и выступающие в качестве своеобразного «мертвого разума». Субъект, создающий некросферу, также ориентируется на определенный набор ценностей, который можно было бы назвать «системой», если бы он в принципе не противостоял самому принципу системности. Такое противостояние характеризуется не только отсутствием целостности и иерархичности норм и ценностей и не только противостоянием их высшим ценностям, но и отсутствием какого-либо рационального смысла в присвоении тех или иных характеристик данным ценностям или их субъектам-носителям. К примеру, в кинематографе и средствах массовой информации нередко используются описания «высоких» нравственных качеств преступника, характеризующих его как «гениального убийцу» или «лучшего киллера». Формируется своего рода эстетика уродства, в которой в качестве прекрасного преподносится даже не эрзац, а элементарная необычность или необычное уродство. Возникает мораль радикального аморализма, которая навязывается как равноценная замена классической морали, а поскольку в противостоянии классической системе морали у нее нет шансов, появляется принцип «толерантности» и терпимости к ориентациям воинствующего меньшинства.

В отличие от хаоса некросфера сама не порождает ничего живого, здесь есть не творчество, но только его отражение в мертвых уравновешенных формах. Мертвый организующий разум и мертвое знание в обществе порождают стылость и декаданс. Понимая условность и мифологизированность сформированного традицией противостояния образов Моцарта и Сальери, в искусстве такого рода деструкцию можно назвать сальеризмом. Сальеризм – характерная черта многих произведений искусства, современной политики и современной экономики. Мертвое знание о том, как лучше петь, играть, учить, управлять, организовывать экономику подменяет собой пение, игру, обучение, управление и организацию экономической жизни, а мертвый разум ищет спасение только в копировании, использовании уже созданных шаблонов.

Формирующаяся некросфера подчиняет себе, втягивая в пространство новой, химерической культуры не только создаваемые субъектом развития предметы, но и целые пласты уже давно возникшей культуры, реконструируя их и лишая живой души. Наиболее характерным примером выступает трансформация христианского архетипа спасения в схематизм ложного спасения. Навязчивый сюжет различных современных фильмов – картина изображения живых мертвецов, слепо следующих заданной программе «спасения». Идея ложного спасения – бессознательное выражение авторами произведений искусства тупиков современного цивилизационного развития.

Нигилизм современных «творцов» и интеллигенции в целом может выражаться как в содержании мировоззрения, так и в отношении к негативным образам христианской культуры. Например, М.Булгаков в произведении «Мастер и Маргарита» ставит задачу воспроизвести евангелие от сатаны в качестве седьмого доказательства бытия Бога. Анализируя отношение М.Булгакова к прообразу Воланда, О.Николаева пишет, что Воланд, по Булгакову, вполне

нормальный субъект, достойный, понимающий, ироничный. И если бы люди вокруг него были бы получше, не исключено, что он стал бы филантропом [1, С.215]. Рукописи у него не горят, а судит он всех и наказывает по справедливости. Воланду понравилась Маргарита, потому что она хорошо усвоила установку нигилизма, которую он выражает таким образом: «Никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас, сами все предложат и сами все дадут» [2, С.295].

Для Воланда, поскольку люди греховны и совершают греховные поступки, самое справедливое отношение к ним – наказание. Человек неисправим и эта неисправимость в качестве шаблона распространяется на всех людей; к ним можно быть снисходительным до времени, пока «квартирный» или иной вопрос не испортит всех окончательно. Воланд как мертвый разум и земное воплощение Сатаны последователен и идет в выяснении своей «правды» до конца, когда КАЖДЫЙ за свой грех получает справедливое наказание.

Иная парадигма отношения к человеку – у Христа. Человеку нужно не наказание, а спасение. Человек может быть слаб, но он не теряет божественной искры. Нужно только помочь ему в процессе воспитания – снять первородный грех. Высшие ценности и моральные нормы – ориентиры в творческой деятельности субъекта и отклонение от этих ориентиров – не злой умысел, а ошибка незнания и непонимания. Тяжкую миссию наказания берет божественный субъект, потому что он знает все причины поступков и потому, что процесс наказания не разрушит его как творческого субъекта. Попытки человека выйти из поля морали в сугубо правовое пространство разрушают его творческие потенции, поскольку разрушаются высшие ценности и ориентиры развития, в частности, абсолютная ценность человеческой жизни, - рождается мертвый разум, умеющий создавать лишь некросферу.

В целом, в процессе анализа социальной реальности можно выделить следующие субъекты деструкции: 1)объективно-идеальный субъект; 2)личность; 3)социальная группа, идентифицирующая себя как меньшинство; 4)масса, толпа, народ. Представим их краткие характеристики.

Наиболее известным и изученным деструктивным субъектом- личностью является Гитлер. На деле, это – художник-некрофил, который пытался бороться со своими отклонениями. Эти попытки были безуспешными и рождали то, что может создать субъект деструкции. Гитлер не ел мяса, но стал самым известным «мясником», пытался построить социализм для «угнетенной нации», - и создал фашистское государство, строил огромную империю, но подверг немецкое государство унижению разгрома. Он настаивал, что государство – народный организм, желая создать живое, получалось – мертвое. В искусстве такая личность отличается, по мнению Э.Фромма, стремлением создавать массивные скульптуры, колонны, - мертвое вместо живого.

У Э. Фромма выделены также характеристики произвольных действий некрофила. 1. Привычка ломать и мять мелкие предметы: спички, цветы. Далее – наносить ущерб чему-либо прекрасному, - разрушать здания, предметы культуры и искусства. Увечат собственное тело. 2. Убеждение, что все проблемы и конфликты можно решить только применением силы. «На все жизненные про-

блемы некрофил всегда, в принципе, отвечает разрушением и никогда не действует созидательно, осторожно, бережно» [3, С.16]. 3. Подчеркнутый интерес к болезни и смерти в любых их формах. 4. Особого рода безжизненность, проявляющаяся в общении. Некрофил холодно, педантично, сухо и отчужденно излагает предмет разговора. 5. Характерные реакции некрофила – отношение его к прошлому и к имуществу. Для него реально лишь прошлое, но не настоящее или будущее. Для него вещи правят человеком, мертвые – живым. 6. Цветовые предпочтения. Некрофил имеет склонность к темным цветам (черному, коричневому) и не любит ярких красок. 7. Клинический некрофил имеет особую склонность к дурным запахам, восходящим к запаху разлагающейся плоти. Это часто выражается в навязчивом желании избавиться от дурного запаха: навязчивое стремление к чистоте, брезгливое выражение лица и т.д. 8. Специфический признак некрофила – его неспособность смеяться. Смех некрофила – это скорее принужденная усмешка, его лицо при этом – каменное, невыразительное и безжизненное [3, С.18].

Фромм отмечает основные направления подавления деструкции. 1. Путь рационализации. Всякое разрушение делается во имя спасения, процветания и триумфа немецкого народа. 2. Развитие реактивных образований. Человек отрицает свои качества, развивая в себе качества противоположные. Пример реактивного образования – вегетарианство Гитлера. Кроме этого, он всячески избегал видеть настоящие трупы и всячески предохранял себя от эмоционального осознания собственной деструктивности. 3. Гигантомания. Создание крупных безжизненных конструкций, призванных заместить живые предметы. Это можно обозначить как вариант эффекта «взгляда Медузы».

Личностная деструкция базируется на реализации идеи-фикс, в которую предполагается безоговорочно верить. Деструкции при диктатуре меньшинства могут быть еще более жесткими, чем при диктатуре массы. В массе выстраиваются системы саморегуляции. Нередко возникают принципы саморегуляции: идеи социальной справедливости, равенства и другие идеи, имеющие отношение к высшим или цивилизационным ценностям. Масса умеет строить анархию, – систему с решающей автономией своих элементов. Меньшинство строит мертвую реальность на основе концепции. Концепция обосновывается и доказывается теми или иными рациональными аргументами. В группе меньшинства возникает необходимость обоснования права на избранность: идеи мессианства, противопоставления «безграмотному», либо культурно неполноценному большинству, «быдлу» и т.п.

Одним из механизмов такого обоснования выступает идея конвенционализма. Конвенционализм базируется на принципиальном отказе от объективности истины и императивности высших ценностей. В системе научно продвинутого, административно обозначенного или законодательно утвержденного меньшинства принимается конвенция, которая принимается равнозначной истине, хотя на деле является ее суррогатом.

Деструкции масс наиболее интересно анализируются в произведениях Элиаса Канетти. В работе «Масса и власть» он пишет, что ничего не боится человек, как непонятого соприкосновения, Даже взломщика он боится из страха

перед новым, неожиданным для него [4, С. 391]. Почему человек боится нового и неожиданного? – Потому что он привык поступать по схеме, не задумываясь над выбором решения. Новое заставляет его думать, принимать решение, т.е. выступать в качестве человека, действующего субъекта. По сути, человек боится выступать в качестве человека как субъекта общественных отношений. Человек незащищен перед лицом нового и необычного и освободить его от этого страха может только масса. В массе возникает торжество бессознательного, в ней все происходит как внутри одного тела. Чувство локтя позволяет людям массы сбросить различия, интеллектуальное разнообразие и почувствовать себя равными.

В результате, как пишет Канетти, возникает нечто вроде животного или социального автомата, неспособного творить и рассуждать [5, С.60]. Результатом этого подхода является замена фигуры оратора фигурой гипнотизера, замещение красноречия внушением, а искусства парламентских дебатов – пропагандой. «Вместо того, чтобы убеждать массы, их возбуждают театром, держат в узде с помощью организации и завоевывают средствами прессы или радио» [5, С.60]. Современным примером этого могут выступать явления майдана и майданного сознания.

Созданная или реконструированная деструктивным субъектом цивилизация разрушает собственные реальные стимулы развития, впадает в состояние рутины и в конечном итоге погибает. Цивилизации гибнут, когда они уже не могут навязать миру собственную высокую миссию и идею, когда они не могут дать ответы на вызовы современности. Но данные ответы могут быть сформулированы только творческим, пассионарным субъектом, способным действовать именно в рамках собственной цивилизационной целостности. Закат цивилизации характеризуется нарастанием деструкции и рутины в культуре и общественной жизни в целом, когда живое начало культуры выхолащивается и костенеет, нивелируя перспективы развития. Разрушение общества как цивилизации начинается с момента осознания, что его (ее) цивилизационная, национальная идея неосуществима. Например, идея коммунизма, будучи в целом утопической, помогала жить и побеждать, – пока в ней была уверенность.

Западная идея в настоящее время из общечеловеческой превращается в цивилизационную. Однако сейчас над западным сообществом возникла угроза не только быть загнанным в собственные национальные границы, но и потери религиозной и цивилизационной идентичности. Российский выбор – это создание реальной альтернативы западному варианту эволюции человечества и уже на этой основе – помощь западному сообществу.

Успехи построения общества, в том числе и экономические, возникают, когда материальные интересы человека реализуются под покровом высших целей, ценностей и героических добродетелей. Борьба за идеалы, с которыми идентифицируется будущее, делает и отдельную личность, и народ в целом стойкими и способными к преодолению трудностей. Борьба за кусок хлеба измельчает человека, выдавливая из него установки на обычное выживание. Установка на слепое копирование реальности формирует некротферу, склонную к саморазрушению. Мобилизация творческого потенциала личности и масс на

основе опоры на собственные цивилизационные основания и социокоды, сохранения сложившейся религиозной и цивилизационной идентичности и творческого использования достижений конкурирующих цивилизационных систем, дает возможность снять тенденции деструкции в деятельности субъекта и открыть перспективы развития общества и помогает локальным сообществам ответить на вызовы глобального развития.

Литература:

1. См.: Николаева О. Православие и свобода.- М.: Издательство Московское Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2002. С.215.
2. Булгаков М. Мастер и Маргарита//Сочинения. М.: 1998. С.295.
3. Фромм Э. Адольф Гитлер: клинический случай некрофилии. М.: Высшая школа, 1992. С.16.
4. См.: Канетти Э. Масса и власть// Человек нашего столетия.- М.: Прогресс, 1990. С.391.
5. См.: Канетти Э., Московичи С. Монстр власти.- М. Алгоритм:2009. С.60.